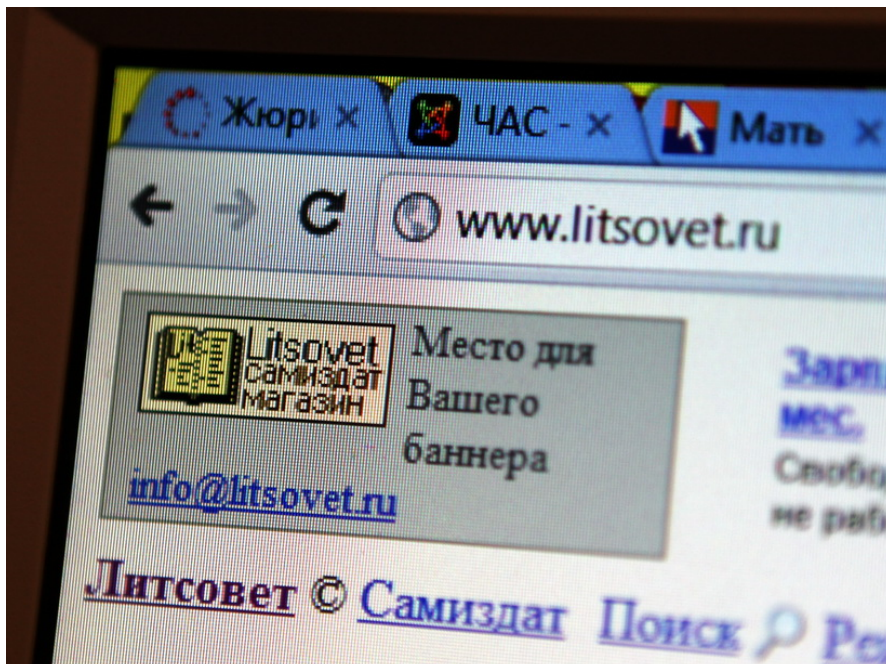

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

1. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Овцы, овцы... Снова вы покорно...

Овцы, овцы... Снова вы покорно
Курдюки несете по долине,
И бока, помеченные черным,
И бока, помеченные синим.

Вас пугают рытвины и плети,
Но попались вы совсем иначе...
Знали б, для чего ваш "благодетель",
Помечая шерсть, вас предназначил.

Овцы, овцы... Неужели схожи
Наши обреченность и незнание?..
Смутный век! - он выберет нас тоже
Для кровавых пиршеств и закланья.

И пока, колдуя над тетрадкой,
Ищешь слов пронзительных и едких, -
Кто-то смотрит на тебя украдкой,

Отличая от других по метке.

[2. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Сиреневый ослик

Старушка с клюкой и сиреневый ослик
Спускаются к рынку тропинкой отлогой.
И думает ослик про слякоть и дождик...
Дождь вправду идет, -
никаких апологов!

С рассвета они из ближайшей деревни
Идут: обижаясь, упрямясь и споря...
Сиреневый ослик нагружен сиренью,
За цветом его -
никаких аллегорий.

[3. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия](#)

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -
Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

[4. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия](#)

Говоришь "халва"...

Говоришь "халва", повторяешь "халва-халва",
Маслянистым зноем сочатся во рту слова,
Караван-верблюды бредет по арык-реке,
Бухара и Хива тают на языке.

Ойли-вэйли, брат Ташкент, побратим Багдад,
Золотая жажда, пламенная орда,
Минарет уколёт небо в седой висок,
Кровь черным-черна закапает на песок.

На крови взойдут дворцы, прорастет трава,
Зацветет миндаль, закружится голова,
Лишь на грани слуха – шепот: "Уйди, уйди..."
То звезда Полынь горит у меня в груди.

Голубая смерть, вспоровшая горло сталь –
Се грядет конец, молись и считай до ста,
Но, пока еще лоснятся барханьи спины,
Разжигай кальян, в стакан наливай шербет
И садись смотреть, как мелко дрожит хребет
Иудейских гор в подвздошь у Палестины.

[5. Алексей ЕФИПОВ. Ярославль, Россия](#)

В день рождения Ленина - похороны Ленины

Хоронили забулдыгу -
Ленку с третьего подъезда.
Я открыл тоски бутылку,
И ломтями скорбь нарезал.

Ленке что? Апрель. Комфортно.
Гроб дешёвый, грубоватый.
Я за упокой конфорку
На плите зажёл - лампадой.

Страшно! Гвозди заколотят.
Нет цветов. И без поминок.
Будет лето - на болоте
Соберу венок кувшинок.

Жутко! Спрятаться под простынь!
Звать родителей! Заплакать!
Только сам давно я взрослый,
Только сам давно я папа.

В детстве Ленке гнусно "выкал".
Было и у Ленки детство.
Это мне нажали «выкл»,
Это мне попали в сердце.

Я открыл тоски бутылку,
И ломтями боль нарезал.
Схоронили забулдыгу
Из соседнего подъезда.

[6. Игорь КАЛИНА. Кировск, Россия](#)

Круги

Пустячно реагирует река
резвится на поверхности пока
отталкиваясь камень плоским боком.
От силы независимо руки
дробятся и сбиваются круги -
воде известны прошлые итоги.

Но сколько бы твой камень ни скользил
ничуть не удивятся караси,
когда на дно потянет груз мгновений,
поскольку обретёт в конце покой
любой голыш запущенный рукой,
поддавшись напоследок силе трения.

Придётся переждать волнение дней,
а лишь потом исследовав на дне
накиданную гальку хаотично
ты наконец поймёшь, что в глубине
среди когда-то брошенных камней
одноприроден твой и неотличен.

[7. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова](#)

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры

спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь —
в ателье, по воле индпошива —
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая суший кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

[8. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Старуха вяжет зимние носки...

Старуха вяжет зимние носки,
Скрипит под нею старая кровать.
Кто знает глубину ее тоски?..
Старухе скоро - девяносто пять.

Она торгует шерстью и шитьем
На придорожном рынке у моста,
И если напрямик, сквозь бурелом,
То до него обычная верста.

Старуха вяжет. Может быть, продаст...
Невестка варит яблочный компот.
Мяукает голодный "Гондурас" -
Зачуханный, бесхвостый черный кот.

Невестка злится. Вновь... не с той ноги.
(Старуху вязко пробирает дрожь).
"Бои-ишься? Ведьма! Дай пожить другим,
Ты и до ста, наверно, доживешь."

Старуха вяжет. Катится слеза.
(Утерла незаметно рукавом)
Потом взглянула вверх, на образа,
На небо, загрязненное окном.

А до икон достать - длина руки...
А до небес - обычная верста...
Старуха вяжет зимние носки,
Она не хочет, Господи, до ста...

9. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

На семи ветрах

Есть тесовый рай под каменными крестами.
В том раю живут железные птицерыбы –
Голубые очи, когти дамасской стали.

Птицерыбы смотрят с дерева-иггдрасиля,
Что цветет как верба, хоть по рожденью – ясень,
Человечью душу в небо уносят силой,
А потом кладут к себе в золотые ясли,

И поют ей рыбы песни о льдах и скалах,
И читают птичьи притчи высоким слогом...
Обомнут, растянут, вылепят по лекалу –
И уронят вниз уже не душой, а богом.

Но не тем, с заглавной буквы (не будем всеу),
А – попроще, смертным, маленьким, бестолковым,
Чтобы слепо трепыхался в земном сосуде,

Птицерыбье сердце ранил каленым словом,

Горевал и плакал, грезил о небывалом,
Порывался сбросить призрачные оковы...
Птицерыбы смотрят ласково и устало
На мальков Творца – бескрылых, бесплавниковых.

[10. Светлана ОС. Москва, Россия](#)

Анабиоз

Под напором гроз и грёз
Гнутся маки и левкои.
Что им твой анабиоз? -
Состояние покоя.
Что им мор и что им пир? -
На обоих не в обиде...

Если ты не видишь мир,
То и мир тебя не видит.

Мёртвой зоны полоса -
Не награда, не расплата.
Только скрипом - голоса
За чертою невозврата.
Это - реквием лихих
По затерянным и лишним...

Если ты не слышишь их,
То они тебя не слышат.

Где-то множит миражи
Линий ломаных и плавных
Тот, кто свой среди чужих
И неравный среди равных.
И горит светило дня
Как алмаз в его короне...

Проходи, не тронь огня,
И огонь тебя не тронет.

{jacomment off}

1. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Овцы, овцы... Снова вы покорно...

Овцы, овцы... Снова вы покорно
Курдюки несете по долине,
И бока, помеченные черным,
И бока, помеченные синим.

Вас пугают рытвины и плети,
Но попались вы совсем иначе...
Знали б, для чего ваш "благодетель",
Помечая шерсть, вас предназначил.

Овцы, овцы... Неужели схожи
Наши обреченность и незнание?..
Смутный век! - он выберет нас тоже
Для кровавых пиршеств и закланья.

И пока, колдуя над тетрадкой,
Ищешь слов пронзительных и едких, -
Кто-то смотрит на тебя украдкой,
Отличая от других по метке.

2. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Сиреневый ослик

Старушка с клюкой и сиреневый ослик
Спускаются к рынку тропинкой отлогой.
И думает ослик про слякоть и дождик...
Дождь вправду идет, -
никаких апологов!

С рассвета они из ближайшей деревни
Идут: обижаясь, упрямясь и споря...
Сиреневый ослик нагружен сиренью,
За цветом его -
никаких аллегорий.

3. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -
Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

4. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

Говоришь "халва"...

Говоришь "халва", повторяешь "халва-халва",
Маслянистым зноем сочатся во рту слова,
Караван-верблюды бредет по арык-реке,
Бухара и Хива тают на языке.

Ойли-вэйли, брат Ташкент, побратим Багдад,
Золотая жажда, пламенная орда,
Минарет уколёт небо в седой висок,
Кровь черным-черна закапает на песок.

На крови взойдут дворцы, прорастет трава,
Зацветет миндаль, закружится голова,
Лишь на грани слуха – шепот: "Уйди, уйди..."
То звезда Полынь горит у меня в груди.

Голубая смерть, вспоровшая горло сталь –
Се грядет конец, молись и считай до ста,
Но, пока еще лоснятся барханы спины,
Разжигай кальян, в стакан наливай шербет
И садись смотреть, как мелко дрожит хребет
Иудейских гор в подвздошь у Палестины.

5. Алексей ЕФИПОВ. Ярославль, Россия

В день рождения Ленина - похороны Ленины

Хоронили забулдыгу -

Ленку с третьего подъезда.
Я открыл тоски бутылку,
И ломтями скорбь нарезал.

Ленке что? Апрель. Комфортно.
Гроб дешёвый, грубоватый.
Я за упокой конфорку
На плите зажёл - лампадой.

Страшно! Гвозди заколотят.
Нет цветов. И без поминок.
Будет лето - на болоте
Соберу венок кувшинок.

Жутко! Спрятаться под простынь!
Звать родителей! Заплакать!
Только сам давно я взрослый,
Только сам давно я папа.

В детстве Ленке гнусно "выкал".
Было и у Ленки детство.
Это мне нажали «выкл»,
Это мне попали в сердце.

Я открыл тоски бутылку,
И ломтями боль нарезал.
Схоронили забулдыгу
Из соседнего подъезда.

6. Игорь КАЛИНА. Кировск, Россия

Круги

Пустячно реагирует река
резвится на поверхности пока
отталкиваясь камень плоским боком.
От силы независимо руки
дробятся и сбиваются круги -
воде известны прошлые итоги.

Но сколько бы твой камень ни скользил
ничуть не удивятся караси,
когда на дно потянет груз мгновений,
поскольку обретёт в конце покой
любой голыш запущенный рукой,
поддавшись напоследок силе трения.

Придётся переждать волнение дней,
а лишь потом исследовав на дне
накиданную гальку хаотично
ты наконец поймёшь, что в глубине
среди когда-то брошенных камней
одноприроден твой и неотличен.

7. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры
спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь –
в ателье, по воле индпошива –
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

8. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Старуха вяжет зимние носки...

Старуха вяжет зимние носки,
Скрипит под нею старая кровать.
Кто знает глубину ее тоски?..
Старухе скоро - девяносто пять.

Она торгует шерстью и шитьем
На придорожном рынке у моста,
И если напрямик, сквозь бурелом,
То до него обычная верста.

Старуха вяжет. Может быть, продаст...
Невестка варит яблочный компот.
Мяукает голодный "Гондурас" -
Зачуханный, бесхвостый черный кот.

Невестка злится. Вновь... не с той ноги.
(Старуху вязко пробирает дрожь).
"Бои-ишься? Ведьма! Дай пожить другим,
Ты и до ста, наверно, доживешь."

Старуха вяжет. Катится слеза.
(Утерла незаметно рукавом)
Потом взглянула вверх, на образа,
На небо, загрязненное окном.

А до икон достать - длина руки...
А до небес - обычная верста...
Старуха вяжет зимние носки,
Она не хочет, Господи, до ста...

9. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

На семи ветрах

Есть тесовый рай под каменными крестами.
В том раю живут железные птицерыбы –
Голубые очи, когти дамасской стали.

Птицерыбы смотрят с дерева-иггдрасиля,
Что цветет как верба, хоть по рожденью – ясень,
Человечью душу в небо уносят силой,
А потом кладут к себе в золотые ясли,

И поют ей рыбы песни о льдах и скалах,
И читают птичьи притчи высоким слогом...
Обомнут, растянут, вылепят по лекалу –
И уронят вниз уже не душой, а богом.

Но не тем, с заглавной буквы (не будем все),
А – попроще, смертным, маленьким, бестолковым,
Чтобы слепо трепыхался в земном сосуде,
Птицерыбье сердце ранил каленым словом,

Горевал и плакал, грезил о небывалом,
Порывался сбросить призрачные оковы...
Птицерыбы смотрят ласково и устало
На мальков Творца – бескрылых, бесплавниковых.

10. Светлана ОС. Москва, Россия

Анабиоз

Под напором гроз и грёз
Гнутся маки и левкои.
Что им твой анабиоз? -
Состояние покоя.
Что им мор и что им пир? -
На обоих не в обиде...

Если ты не видишь мир,
То и мир тебя не видит.

Мёртвой зоны полоса -
Не награда, не расплата.
Только скрипом - голоса
За чертою невозврата.
Это - реквием лихих
По затерянным и лишним...

Если ты не слышишь их,

То они тебя не слышат.

Где-то множит миражи
Линий ломаных и плавных
Тот, кто свой среди чужих
И неравный среди равных.
И горит светило дня
Как алмаз в его короне...

Проходи, не тронь огня,
И огонь тебя не тронет.